

Борис Беленцов

Мишкино ДЕТСТВО

Челябинск • 2017

Борис Беленцов

Мишкино детство. Повесть

<https://litres.ru/74506919>

SelfPub; 2026

Аннотация

Первая книга трилогии о детстве мальчика, оставшегося без отца. События, описываемые в книге, происходят в послевоенные годы в средней полосе России.

Содержание

МИШКИНО ДЕТСТВО	5
Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	30
Глава 4	46
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Борис Беленцов
Мишкино детство. Повесть

МИШКИНО ДЕТСТВО

*«Полуголодное, босое детство,
Тебя с любовью вспоминаю я.
Мне никуда от памяти не деться,
Там отчий дом, там мама и друзья»*
Б. Беленцов «Моё детство»

Глава 1

МОНАСТЫРКА

Своего отца Мишка помнил очень смутно. Когда он умер, мальчику исполнилось всего пять лет. Помнил только, что в день похорон в доме было много людей, его все гладили по голове, жалели и называли сироткой. Мама и старшая сестра плакали, а отец лежал в деревянном ящике с закрытыми глазами, и казалось, что он спал.

После смерти отца в жизни мальчика мало что изменилось. Он так же целыми днями пропадал на улице. Летом играл с друзьями в «войну» и «жмурки», ходил купаться на речку. Зимой, так как валенки были одни на двоих с братом, чаще сидел дома, а когда была его очередь носить валенки, с радостью выбегал на морозный воздух поиграть в снежки или покататься на санках. Зато очень изменилась мама: она стала реже смеяться, и в её глазах мальчик всё чаще видел слёзы. От неё он узнал, что отец прошёл две войны: финскую и германскую. Вернулся домой живым, но война всё равно догнала – умер он от ранения в лёгкое.

Прошло два года. Мишке исполнилось семь лет, и он пошёл в первый класс. Школа находилась буквально в ста метрах от его дома. Большой особняк, в котором когда-то давно, ещё, как говорили, при царе, жил местный помещик. Она

называлась начальной – в ней учились только до четвёртого класса. Одну половину школы занимали классные комнаты и учительская, а другую половину – квартира директора. Директора школы звали Антон Артёмович, он одновременно с обычными предметами вёл ещё и уроки пения. Будучи бывшим фронтовиком, директор был человеком добрым, любил выпить и умел играть на гармошке. Гармошка была старая, её меха хрипели и сипели, как простуженный человек. Вот под такую музыку на уроках пения ученики разучивали песни. Жил Антон Артёмович вдвоём с женой, Мариванной, тоже учительницей. Она и стала учить первый класс, в который пришёл Мишка.

Учение мальчику давалось легко – он быстро научился читать и писать и первый класс окончил с отличием. Так как школа была недалеко от дома, на большой перемене Мишка успевал сбегать домой и поесть любимое лакомство – белый хлеб, крошенный в тарелку, щедро политый подсолнечным маслом и обильно посыпанный сахаром. Мариванна всегда Мишку хвалила, а мама очень радовалась за сына – его фотокарточка была на школьной доске почёта. Незаметно пролетел первый учебный год. Пришло лето, а с ним и летние каникулы.

Лето Мишка любил, и причины для этого имелись веские. Во-первых, летом можно ходить босиком, а не ждать, когда наступит твоя очередь носить валенки. Во-вторых, можно бегать целый день без рубашки, в одних штанах. А ещё летом

можно ходить на рыбалку, в лес за орехами, целыми днями не вылезать из речки, играть в футбол — да мало ли что ещё можно было делать летом. Вот за это и любил его Мишка. А что он не любил, так это свой юный возраст. Брат был на три года старше его и закончил уже четвёртый класс, сосед Вовка Сыч был на два года старше и как ни старался Мишка попасть в их компанию, брали его с собой очень редко, а ему очень хотелось быть вместе с ними. Был, правда, у него друг Юрка, жил он через два дома от него, и ходили они с ним в один класс. Юрка в их посёлке появился недавно — два года назад. Его отец был моряком, и жили они до этого в городе Мурманске, однако что-то не сложилось, и они оттуда уехали. И вот однажды, после летнего дождя, когда Мишка с другими пацанами весело носился по лужам, на улицу вышел мальчик примерно его возраста. Одет он был в чистенький матросский костюмчик, на ногах сандалики, а на голове бескозырка с ленточкой. На ленточке были нарисованы якоря и виднелась надпись «Смелый» — это и был Юрка. Увидев его, пацаны остолбенели. Одетые кто во что: латаные-перелатанные штаны и рубахи, босоногие, нестриженные или, наоборот, подстриженные наголо, чумазые, они обступили незнакомца и молча рассматривали его. Первым очнулся рыжий Васька, он протянул руку и вытащил у Юрки из нагрудного кармана белый платочек. Руки у Васьки были мокрые, грязные, и платочек сразу покрылся тёмными пятнами. Потом с мальчика сдёрнули бескозырку, хватали за чистенький мат-

росский костюмчик, пытались затащить его, обутого в грязную лужу. Он не выдержал, расплакался и убежал домой, и из своего двора через забор стал бросать камни. Пацаны разбежались. Спустя несколько дней Юрка мало чем стал отличаться от остальных, и Мишка с ним подружился.

Поселок, где родился и жил мальчик, находился на окраине районного городка, в живописном месте, на слиянии двух речушек. Он был небольшим, но имел древнюю историю: его, как крепость на южных границах Русского государства (для защиты от набегов кочевников), основал царь Фёдор Иоаннович. За четыреста лет своего существования городок значительно расширился и в настоящее время имел стратегическое значение как крупный железнодорожный узел. Железная дорога опутывала его своими рельсами. На четыре стороны света в разные концы огромной страны расходились от городка стальные магистрали: на север – в столицу нашей Родины Москву, на юг – промышленный Донбасс, на запад – хлеботорбную Украину, и на восток – Поволжье, Урал и Сибирь. Сколько себя помнил Мишка, он всегда слышал гудки паровозов и стук вагонных колёс на рельсовых стыках. Да и люди в посёлке в основном работали на железной дороге. Как рассказывала мама, его отец тоже был железнодорожником – работал старшим кондуктором. Им, как семье железнодорожника, каждый год выписывали уголь, чтобы зимой топить в доме печку.

Ещё в городке был маслозавод. На маслозаводе с незапа-

мятных времён, из подсолнечных семечек выжимали подсолнечное масло. Завод находился между городом и посёлком, и многие в посёлке работали на маслозаводе. Каждую осень со всей округи на грузовых автомобилях сюда привозили подсолнечные семечки. Очереди из машин на приёмку растягивались на сотни метров. Вечерами старшие пацаны ходили воровать семечки, однако Мишку пока на такие дела они не брали – мал ещё.

Кроме этого городок был известен тем, что на его территории находились две колонии для арестантов. Одна была общего режима на окраине города – в ней отбывали наказание взрослые мужчины. На территории этой колонии находился меловой карьер. Её арестанты занимались изготовлением школьных мелков. Поэтому далеко за пределами города колония носила название «Мелки». Второй достопримечательностью считалась детская трудовая колония для несовершеннолетних, или, сокращённо, ДТК. В ней отбывали наказания преступники от четырнадцати до восемнадцати лет. Она располагалась в полутора километрах от Мишкиного посёлка. Когда-то давно на её месте был мужской монастырь. Подсобные помещения монастыря не сохранились, но сам монастырь возвышался над территорией колонии и был виден практически с любой точки города. Колония была обнесена высоким забором, верх забора опутывала колючая проволока, по углам стояли сторожевые вышки, на которых сидели вооружённые охранники.

Так как посёлок располагался недалеко от монастыря, то все называли его Монастыркой, хотя официальное название было – посёлок Раздолье. И такое название очень соответствовало действительности. Вокруг него и в самом деле было раздолье: сосновый бор, две реки и лес. Посёлок был невелик – шесть улиц. Главная улица, на которой жил Мишка, вытянулась вдоль реки Валуй от маслозавода до устья – места, где Валуй впадал в другую, более широкую реку Оскол. Дома, стоящие по одной стороне улицы, огородами выходили прямо к Валую. В Валуе водилось много рыбы и раков, и на его берегах почти всегда можно было увидеть рыбаков с удочками. Мальчик жил на другой стороне улицы, и его огород на речку не выходил, но зато в его конце находилось маленькое озерцо, в котором тоже водилась рыба и из которого можно было поливать огород.

Зимой Валуй замерзал, и ребята на льду устраивали карусели, играли в хоккей и просто катались на коньках. Ежегодно весной, когда солнышко растапливало снег, начиналось половодье. По реке плыли льдины, образуя заторы, и она выходила из берегов: заливала луг, лес, а в иные годы затапливала посёлок так, что жители были вынуждены передвигаться по улицам только на лодках. Мишка, как и другие мальчишки, очень любил в эти дни бегать на речку и смотреть на ледоход. Лучше всего смотреть на него было с моста через Валуй. От дома до моста было, наверное, около километра. Мост был деревянный, и за ним на сваях стояла мель-

ница.

Почти сразу за мельницей начинался лес, а за ним был разрушенный монастырь и колония. На реке, перед мостом, стояли ледорезы – сооружения из толстых дубовых брёвен с прибитыми на них металлическими уголками. Эти ледорезы задерживали льдины и защищали мост, иначе бы его снесло ледоходом. Разливался не только Валуй, но и Оскол, и все окрестные леса, поля и луга на многие километры заливало половодье. Бывало, что вода поднималась очень высоко, и мост оказывался под водой, а колония была полностью оторвана от «большой земли». Потом, когда половодье сходило, во всех углублениях, ложбинках и канавах образовывались небольшие водоёмы, в которых оставалась рыба. Если водоём был совсем небольшим, то мальчишки, ловили её подсачниками. Если же водоём был крупным, то, дождавшись тепла, они ногами взмучивали воду и когда рыбины всплывали на поверхность, чтобы глотнуть кислорода, ловили их руками.

Летом, разумеется, все пацаны пропадали на речке. Мишкин старший брат Коля был заядлым рыбаком, и каждое утро (если позволяла погода) он вставал ещё до рассвета и шёл на рыбалку. Ловить брат любил голавлей. Голавль — рыба пугливая, осторожная, и поймать её очень сложно. Именно ранним утром (когда ещё нет купальщиков) огромные, полуметровые рыбины стаями ходили почти у самой поверхности воды. Чтобы выудить такую рыбу, нужно иметь безгранич-

ное терпение. Коля приходил на речку, долго искал место и, чтобы не спугнуть голавлей, осторожно забрасывал леску. Ловил он нахлыстом, то есть без поплавок и грузила. На крючок нанизывалась большая муха или, ещё лучше, стрекоза, и наживка тихонько опускалась в воду. Она не тонула, а плыла по течению, а рыбак, затаив дыхание, ждал, когда её схватит осторожная рыба. Голавль не жадничал, не заглатывал сразу наживку, пробовал её как бы на вкус губами, и если у рыболова не хватало терпения и он в этот момент пытался подсечь рыбу, то все усилия были обречены на неудачу. В лучшем случае крючок зацеплялся за губу голавля и рвал её, а в худшем просто не цеплялся ни за что. Рыба испуганно уходила на глубину, и нужно было искать новую стаю и всё начинать сначала. Но Коля никогда не торопился, он терпеливо дожидался, когда голавль проглотит наживку, и только потом подсекал. Прوماхи у него случались редко, и он всегда приносил домой одну или даже две больших рыбины. Мама называла его кормильцем.

Мишка тоже любил рыбалку, удочка у него была своя, вырезанная из тонкой и гибкой орешины. Поплавок сделан из сухой куги, грузило – свинцовая дробинка, а крючок самый маленький – «заглотиш». Рыбачить Мишка ходил на мост или, как все говорили, «на мельницу». На «мельнице» всегда клевала и ловилась рыба. Пусть не очень крупная, но зато всегда. Секрет удачной рыбалки на «мельнице» был прост. Для того чтобы вода вращала мельничные жернова, у само-

го моста, а точнее даже под мостом, речка была перегорожена деревянными щитами, которые назывались «застава». Эти «застава» были сколочены из досок и образовывали искусственную плотину. Когда они были закрыты, рыба не могла проплывать вверх или вниз по течению и скапливалась перед «заставами».

В любое светлое время суток на мосту было полно рыболовов. В большинстве своём это мальчишки Мишкиного возраста или чуть старше. Рыба здесь ловилась разная, в зависимости от погоды и рыбацкого опыта. Проще всего было удить пескарей: установил глубину, чтобы крючок с наживкой почти касался дна, забросил леску в воду и жди поклёвки. На такой глубине пескари клевали беспрерывно. Ловил мальчик на червей, которых копал здесь же, под мельницей, или в лесу, где была сырая земля. Кто-то ловил на хлеб или муху, но Мишка – только на червя. Так было надёжнее. На одного червяка можно поймать несколько пескарей. Перед началом рыбалки он изготавливал кукан: брал кусок лески длиной около метра и на оба конца привязывал спички. На него мальчик нанизывал улов, такие куканы все называли «снизкой». Порыбачив часа два–три на «мельнице», можно было наловить штук пятьдесят–сто пескарей, в зависимости от клёва. Мишка обычно приходил на «мельницу» часов в семь–восемь утра и рыбачил до десяти часов. Потом сматывал леску и гордо шёл домой. В одной руке у него была «снизка» с пескарями, а в другой – удочка.

Придя домой, мальчик отдавал рыбу маме, а затем дожидался, когда она почистит и пожарит улов на сковородке. Вываленные в муке, прожаренные до хрустящей корочки на постном масле, пескари были любимым Мишкиным блюдом. Их можно было есть вместе с плавниками и косточками. Коту Ваське обычно оставалась только маленькая рыбья голова. Кот ходил взад-вперёд под столом, мурлыкал, тёрся об голые ноги мальчика, волновался, что ему не достанется вкусной рыбки.

Пока сын ел, мама рассказывала о том, какие дела запланированы на сегодня: прополоть сорняки на огороде, вечером полить огурцы и помидоры. Всё это мальчик слушал уже вполуха, его мысли витали далеко: на мельнице, на речке или в лесу. Там было интересно, там были пацаны, они купались, играли в карты, «мазая», или в футбол, ловили раков, жарили их на костре или пекли ворованную картошку.

Ещё одной достопримечательностью Монастырки был сосновый бор. Он начинался в метрах ста от посёлка. В годы войны от бомбёжек бор сгорел, и на его месте остался выжженный песчаный пустырь. Но уже вскоре после победы на этом пустыре аккуратными стройными рядами были посажены сосны, и к настоящему времени они выросли уже чуть выше Мишки. В этом бору была огромная братская могила. В ней покоились солдаты, которые освобождали городок от фашистов зимой 1943 года. При освобождении погибло очень много людей: как советских солдат, так и оккупантов,

в основном итальянцев и немцев. Уже весной, когда оттаяла земля, на песчаном пустыре выкопали огромную яму и захоронили всех вместе. После войны советских солдат перезахоронили, а итальянцев и немцев оставили там же. А вместе с ними в земле осталось и много оружия: пистолеты, автоматы, гранаты и всякие разные личные вещи. Это захоронение всегда привлекало местных мальчишек, и, несмотря на то что взрослые постоянно гоняли их, на раскопках всегда рылись самые отчаянные.

Летом вокруг было столько соблазнов, что Мишка не знал, где он окажется в течение дня. Позавтракав жареными пескарями, он уходил из дома и возвращался только в сумерках. Где он бывал целыми днями и чем занимался – никого не интересовало. Старшие сёстры были далеко: одна, окончив педучилище, учила детей в далёком Узбекистане, другая, закончив ФЗУ (фабрично-заводское училище), работала токарем в Луганске, а маме было не до него. Не только Мишка, но и почти все дети его возраста были предоставлены самим себе и росли как бурьян в поле, но жизнь продолжалась.

Глава 2

ОДИН ДЕНЬ ЛЕТНИХ КАНИКУЛ

Старенькие часы-ходики с гирькой на тоненькой цепочке показывали без пяти одиннадцать, когда Мишка, плотно позавтракав, выбежал из дома. День обещал быть жарким. Солнце уже входило в зенит и ощутимо припекало спину. Повертев головой в разные стороны, и не увидев на улице ничего заслуживающего внимания, он подтянул синие сатиновые шаровары и двинулся в сторону школы. Что-то подсказывало ему, что брат Коля и Вовка Сыч находились там. Дело в том, что школа была расположена на той стороне улицы, которая огородами выходила на реку.

Её ворота были открыты для всех даже на каникулах, поэтому мальчишки, девчонки, а иногда и взрослые ходили на речку через школьный двор купаться. Для этого там имелось два места: одно ребята называли «песочек», а второе – «глинка». На «песочке» было песчаное дно, а на «глинке» – песчано-глинистое. Оба места находились на мелководье, и даже если кто не умел плавать, то мог спокойно там плескаться, не боясь утонуть. Мишка плавать умел, научился он этому два года назад, а до этого ему случалось несколько раз тонуть. Он помнил только два случая, когда чуть не утонул, но брат говорил, что их больше. Первый случай, произошел,

когда мама однажды летом пошла на речку полоскать постиранное бельё, а сын увязался за ней. Он ходил туда не первый раз, и с ним ничего не случилось, а тут случилось. Дело было так. По ступенькам они спустились на деревянный мостик, державшийся на столбиках и на два метра выступавший в реку. Такие мостики все называли «кладкой». Мама, нагнувшись, начала полоскать бельё, а мальчик стоял и смотрел на воду. Она была прозрачная, и он хорошо видел, как у самого дна гуляли стайки мелких рыбёшек. Их не пугал даже шум полоскания белья. Мишка, присев на корточки, стал рассматривать серебристых рыбок. И вдруг ему очень захотелось дотронуться до них рукой. Он потянулся к ним и, не удержавшись, свалился с мостика. Он напугался! Страх парализовал его так, что он не мог пошевелить ни руками, ни ногами, и опустился на дно. Хорошо, что мать, закончив полоскать, повернулась назад и увидела, что сына нет на «кладке».

Мальчик в этот момент, достигнув дна, оттолкнулся от него ногами и сумел вынырнуть на поверхность. Глазёнки его были выпучены, открытым ртом он судорожно хватал воздух. Мама бросилась в воду, схватила перепуганного сына, посадила его на «кладку», а потом выбралась на неё и сама. Ох, перепугались же они тогда!

Второй раз он чуть не утонул рядом со своим домом. Летом после тёплого ливневого дождя по улице побежали ручьи и образовались большие лужи. Когда закончился дождь,

Мишка выбежал на улицу и у соседнего дома на перекрёстке увидел Вовку Сыча. Вовка стоял у большой лужи, в руках у него было несколько деревянных чурочек, которые он бросал в лужу, а затем палкой пытался их утопить. Когда мальчик подбежал к нему, Сыч бросил своё занятие и предложил ему перепрыгнуть через лужу. Лужа была большая, и Мишка, зная, что перепрыгнуть её не сможет, отказался. Но Сыч нашёл выход. Он указал на плавающую посреди лужи деревяшку и сказал: «Ты наступи на неё, она не тонет, и перепрыгни». Миша разбежался, наступил на чурочку и с головой нырнул в воду. Лужа оказалась не лужей, а глубокой ямой, выкопанной соседом дядей Ваней на углу своего сарая, – в эту яму мальчик и нырнул с головой. Вовка, увидев это, испугался и убежал домой, а Мишка остался барахтаться в грязной воде. Надежды на спасение не было. Улица после дождя была пустынной. Нахлебавшись грязной воды, Миша из последних силёнок пытался выбраться из ямы, но всё было тщетно. Спасая свою жизнь, он хватался за край ямы, но земля отрывалась комками, и мальчик снова погружался в воду. Окончательно отчаявшись и смертельно устав, он закричал. И чудо случилось! Из-за угла появился велосипедист, оказавшийся одноклассником Мишкиной сестры. Вытащив мальчика из ямы, велосипедист отвёл его домой и сдал на руки маме.

А плавать мальчик научился, когда ему было шесть лет. Вышло это случайно. Отец Вовки Сыча – дядя Коля – ра-

ботал в вагонном депо слесарем. Он крепко выпивал, а сына предпочитал воспитывать ремнём. Хотя, справедливости ради, сказать, помогало это мало – Вовка учился плохо и рос хулиганом. У Вовкиного отца кроме выпивки в жизни было ещё одно увлечение: он умел и любил строить красивые плоскодонные лодки. Так как у Сычей огород выходил к речке, то возле их «кладки» всегда была привязана лодка, а иногда даже две. Дядя Коля лодку ребятам не доверял ввиду их малого возраста, но иногда (под настроение) катал их на лодке сам. Вот однажды после такого катания, когда они уже подплывали к «кладке», он поинтересовался у Мишки, умеет ли он плавать. Тот отрицательно покачал головой. Тогда дядя Коля сказал: «Сейчас научишься», – и, взяв мальчика под мышки, опустил его за борт лодки. До берега было метра три, и мальчик, бултыхая руками и ногами, поплыл к нему. На удивление, это у него получилось – он доплыл. После этого он уже не боялся утонуть.

Калитка в школьный двор была открыта настежь. Двери в школу и квартиру директора закрыты. Быстро пробежав через пустой двор, Мишка спустился к речке. Как он и предполагал, брат Коля и Вовка были здесь: они сидели на травке и о чём-то беседовали. Кроме них на речке никого не было. Мальчик быстро снял шаровары, а заодно и чёрные сатиновые трусы, и с разбега кинулся в воду. Следом за ним в воду забежали и пацаны.

«Поиграем в «мазая»? – спросил Сыч. Играли в «мазая» в воде. Один из играющих «водил» и пытался коснуться кого-нибудь из игроков. Остальные ныряли, плавали и убегали от того, кто «водил». Игра была очень весёлой, в неё любили играть все мальчишки Монастырки. Мишке очень хотелось поиграть, но он знал, что «водить» придётся ему, так как он был младше всех и плавал значительно хуже. Но поиграть очень хотелось, и он ответил: «Поиграем!» Они посчитались – игра началась. Мальчишки играли долго, как говорится, до посинения, и когда уже совсем устали и замёрзли, то выбрались на берег. Глаза у всех были красные, кожа от длительного нахождения в воде покрылась пупырышками, зубы выбивали барабанную дробь. Стоять на берегу было холоднее, чем в воде; у речки росли и свешивались над водой плакучие ивы или лозы, через их листву не проникало солнце, поэтому воздух прогревался плохо. «Пацаны, айда на «пески», погреемся!» – предложил Коля.

«Песками» называли песчаный пустырь через дорогу от школы. За пустырём начинался сосновый бор, а на самом пустыре жители Монастырки брали песок. По этой причине образовался небольшой песчаный карьер. Песок был чистый, белый и сильно нагревался на солнце. Продрогшим после длительного купания мальчишкам лежать на нём было одно удовольствие. А главное – там можно было спрятаться от посторонних глаз. Промчавшись по школьному двору, пацаны перебежали дорогу и кубарем скатились в карьер.

Нагретый на солнце горячий песок мгновенно передал своё тепло озябшим мальчишеским телам — «гусиная кожа» исчезла, а зубы перестали выбивать дробь. Забрав тепло своим телом на одном месте, ребята перебирались на другое. Наконец окончательно согревшись, блаженно растянулись на солнышке.

Переглянувшись с Колей, Вовка Сыч порылся в песке и извлёк из него консервную банку. Раскрыв её, он достал спичечный коробок и два папиросных окурка. Окурки пацаны называли «бычками». Брат и Вовка взяли по «бычку», прикурили от спички и начали пускать дым. Мишка, конечно, знал, что они курят, но видел это в первый раз. Ему тоже очень хотелось научиться курить, он с завистью смотрел на брата и на Вовку. Мальчик завидовал их возрасту, ему хотелось быстрее вырасти, чтобы, как и они, курить, играть в карты, ходить в набеги по садам и огородам и, может быть, даже когда-нибудь попасть в тюрьму. Тем временем Сыч и Коля заспорили, кто глубже затягивается табачным дымом. Вовка говорил, что Мишкин брат курит не взятяжку. Чтобы убедить Сыча, тот глубоко вдохнул в себя дым и, затаив дыхание, выпалил скороговорку: «Пошла бабка в лес, наломала дров, затопила печь, и дым пошёл!» — после этого он пустил струю дыма изо рта. Вовке пришлось согласиться, что Коля курит взятяжку. Потом Сыч спросил Мишку: «Хочешь покурить?» Тот с опаской посмотрел на старшего брата и, увидев, что он не возражает, тихонько ответил: «Хочу». Оторвав

конец обслонявленного мундштука папиросы, Вовка протянул «бычок» приятелю. Стараясь подражать взрослым, Миша зажал окурочек в зубах и втянул в себя дым. Дым попал в рот – он был горький и чуть тёплый. Чтобы его не обвинили в том, что курит не взятяжку мальчик сделал глубокий вдох. Когда дым наполнил лёгкие, ему стало плохо: он закашлялся, из глаз потекли слёзы, ему не хватало воздуха, спёрло дыхание. Приятели напугались. «Скорее выдыхай дым!» – кричали они, но Мишка впал в ступор – он не мог ни вдохнуть, ни выдохнуть, ему казалось, что он умирает. Наконец мальчик выдохнул дым и прокашлялся. По лицу ручьями текли слёзы, он размазывал их по щекам и кулачками тёр глаза. Старшие сразу успокоились и стали над ним подшучивать, но Мише было не до шуток.

Навалявшись на горячем песке и нагревшись на солнышке, мальчишки опять побежали на речку и с разбега бросились в воду. Они стали брызгаться водой, гоняться друг за дружкой, нырять и плавать. Оттолкнувшись от дна, Мишка вдруг почувствовал, что его нога укололась обо что-то острое. Нагнувшись, он нащупал рукой какие-то штыри, торчащие из песка. Ухватившись за штыри и потянув на себя, мальчик неожиданно вытащил из воды обойму с пятью патронами от винтовки. Латунные гильзы и свинцовые пули, покрытые никелем, были одного цвета – чёрные, а сама обойма, изготовленная из стали, была изъедена ржавчиной. Увидев патроны, пацаны застыли на месте. «Ты где это взял?» –

спросил брат. «Нашёл на дне – ногой укололся». Ребята с интересом стали разглядывать обойму. «Может, там ещё можно найти, если покопаться?» – вдруг сказал Вовка. – «Пацаны, давай поищем». И они начали искать. Медленно, шаг за шагом босыми ногами ощупывали дно, пытаясь найти что-нибудь, но ничего больше не попадалось. Тогда они стали нырять в том месте, где Мишка нашёл патроны, и руками копать песчаное дно. И через какое-то время Вовка тоже нашёл обойму с патронами. Это прибавило им сил, и работа пошла с удвоенной энергией – на месте находки мальчишки вырыли большую яму и откопали винтовку с трёхгранным штыком. Винтовка была ржавая, деревянный приклад сгнил, а в магазине была обойма с патронами. Дальнейшие поиски не дали никаких результатов.

Осмотрев винтовку, пацаны пришли к выводу, что стрелять из неё нельзя, но зато из винтовочного ствола можно изготовить два «поджига». «Поджигом» называли однозарядный самодельный пистолет, сделанный из металлической трубки. Лучшей трубкой для изготовления «поджига» считался винтовочный или автоматный ствол. Одну сторону ствола нагревали в костре до красного цвета – заклёпывали и загибали её. Затем в ствол наталкивали мелкие кусочки свинца и опять нагревали: свинец расплавлялся и плотно заливал расплющенный конец ствола. Оставалось только примотать к нему деревянную ручку и пропилить напильником крохотную дырочку для заряда, и «поджиг» был го-

тов. Его заряжали порохом или серой, счищенной со спичек, вместо пыжа забивали бумагу, а потом сыпали свинцовую дробь или мелкие металлические шарики. К пропиленной в стволе дырочке прижимали (чаще всего резинкой, отрезанной от велосипедной камеры) спичку. И всё – можно стрелять. Стоило чиркнуть по спичке коробком, она загоралась, через дырочку воспламенялся заряд, и раздавался выстрел. Если на трубке был шов или у неё были тонкие стенки, то её разрывало, а если был плохо заклёпан конец трубки (заливали свинцом не все), то пороховые газы вместо того, чтобы вытолкнуть заряд, выходили наружу через плохо заклёпанный конец. Когда какой-нибудь смельчак стрелял в первый раз из такого пистолета, все другие отходили на безопасное расстояние. Бывало, что такие эксперименты заканчивались плачевно – отрывало пальцы, получали ожоги рук и лица, но, несмотря на это, пацаны всё равно продолжали изготавливать «поджиги».

Найденные патроны и винтовку мальчишки решили спрятать в сосновом бору, или, как говорили все, в «сосне». Завернув винтовку в Вовкину рубашку и расстав патроны по карманам, пацаны направились в «сосну». Чтобы не нарваться ни на кого из взрослых, Мишку пустили вперёд – на разведку. Поднявшись во двор, и не увидев никакой опасности, Мишка махнул рукой: «Давай!» Мальчишки быстро пробежали по школьному двору, пересекли дорогу и углубились в сосновый бор. По «сосне» проходила электролиния, вот

недалеко от одного из электрических столбов они и закопали свои драгоценные находки.

Время уже давно перевалило за полдень, хотелось чего-нибудь пожевать, желудок усиленно напоминал об этом, но идти домой не хотелось. Посоветовавшись, пацаны решили поискать в «сосне» пустые бутылки («сосна» была любимым местом выпивох), сдать эти бутылки в магазин, а на вырученные деньги купить хлеба и соли, и если получится, то и папирос «Прибой». Магазин был в посёлке при колонии. Сдавать бутылки в магазин отправили Колю, а Вовка и Мишка должны за это время наловить раков. Встретится, они договорились на другом берегу Валуя, у леса, и там уже решить, что делать с находками. Четыре пустые бутылки из-под вина они нашли быстро, их вполне хватало на все покупки. До мельницы шли вместе, а когда перешли мост, то разделились: Брат пошёл в сторону колонии, а Сыч с Мишей вдоль берега реки в сторону луга.

Ловить раков руками было просто. Нужно выбрать обрывистый берег, в котором могли быть норы, вот в этих норах и сидели раки. Места, где они водились пацаны знали хорошо – ловили не один раз. Вовка разделся до трусов и полез в воду. В обязанности Мишки входило двигаться по берегу вслед за ним, носить его одежду и собирать улов, если, конечно, тот сможет поймать. Лезть рукой в нору было небезопасно, так как можно больно уколоться об острые шипы, торчащие рядом с усами рака, или же он, защищаясь, может

ухватить клешнёй за палец, но самая главная опасность состояла в том, что в норе вместо рака мог оказаться налим. Налим – скользкая рыба; прикоснувшись к нему в норе, любой, даже самый смелый пацан, пугался, думая, что это змея, и выскакивал на берег. Поэтому в каждую нору ловец запускал руку с замиранием сердца. Без приключений, поймав десятка два членистоногих, мальчишки насобирали сухих веток и развели костёр. В скором времени подошёл и Коля – принёс хлеб, соль и папиросы. Конечно, раков лучше варить, но так как котелка не было, то их жарили на костре. В костёр бросали живыми; когда их начинало припекать, и они пытались выбраться из костра – мальчишки палкой возвращали их назад. Мясо у раков нежное и вкусное, правда было его не очень много – хвост и клешни, но был ещё белый свежий хлеб, речка и свежий воздух. Поэтому ребята с большим аппетитом, круто посолив, съели и раков, и хлеб. Утолив голод, старшие закурили; Мишка надеялся, что ему тоже дадут папироску, но ему не дали. Во время перекура разговаривали о том, что будут делать с находками. Решили патруны бросить в костёр сегодня вечером, ствол распилить пополам и изготовить два «поджига», а штык спрятать – может, когда-нибудь пригодится. Потом снова пошли купаться, но уже на «мельницу». Там, ниже моста, было хорошее, с песчаным дном, место для купания.

Мельница давно уже не работала, стояла бесхозная, за ней начинался лес, а напротив, через дорогу, был жилой дом и

подсобное хозяйство детской колонии. В том доме жили две семьи сотрудников колонии, а подсобное хозяйство представляло собой свинарник и конюшню. Главным на хозяйстве был дядя Гриша – родственник Вовки Сыча. Он ухаживал за лошадьми и свиньями, а в помощь ему присылали воспитанников из колонии. Бывая на «мельнице», Мишка частенько видел этих ребят. Стриженные наголо, одетые в чёрную казённую одежду, они работали на свинарнике и в конюшне, а иногда им позволяли искупаться в речке. Когда они раздевались, то на теле у многих были видны синие наколки. Если бы не эти наколки, то они ничем бы не отличались от местных пацанов. Мишка испытывал к ним противоречивые чувства. Он их остерегался, ведь они были преступники, но его и тянуло к ним, как тянет ко всему запретному. Эти пацаны были из другого мира – романтического и загадочного, про него пели песни, люди, живущие в том мире, были смелыми, щедрыми, дерзкими. Они жили совсем по другим справедливым законам. Так рассказывал пришедший недавно из тюрьмы, живший на их улице Женька Поп. Он хорошо играл на гитаре, пел душещипательные блатные песни, вокруг него всегда кучковались пацаны постарше, а тело его было покрыто синими картинками. Когда ребята пришли на «мельницу», там как раз купались трое колонистов. Не обращая на них внимания, мальчишки разделись и полезли в воду, а накупавшись, пошли в «сосну».

Солнце уже клонилось к закату, когда развели костер,

предварительно положив в него три обоймы с патронами. Отойдя на безопасное расстояние, пацаны легли на землю и стали ждать, когда патроны начнут стрелять. Ждать пришлось недолго, примерно минут через пять раздались выстрелы. Выстрелов насчитали двенадцать, костёр уже догорал, но подниматься с земли никто не решался: в костре оставались ещё три не выстреливших патрона. Пролежав на земле ещё какое-то время и дождавшись, чтобы костёр затух совсем, мальчишки подползли к нему, палкой разворошили головешки, вытащили из углей обгоревшие обоймы, песком засыпали кострище.

Когда Мишка с Колей пришли домой, солнце уже садилось за горизонт. Дома их ждал сюрприз – приехала из Луганска старшая сестра Люба. Она радостно бросилась обнимать и целовать братьев. Мама смотрела на них и украдкой вытирала слёзы. Жизнь продолжалась!

Глава 3

СЕМЬЯ

Приезд сестры для Мишки всегда был большой радостью. Люба была для него второй мамой. Сколько он себя помнил, она всегда была рядом: водилась с ним, когда он был маленький, вытирала его слёзы и сопли, лечила цыпки и ссадины, а когда приезжала в гости, то всегда привозила ему и старшему брату гостинцы. Вот и на этот раз им достались обновки: каждому свитер, хлопчатобумажные брючки и дерматиновые ботинки, но это всё к школе. Мишке достался свитер зелёный, а брату Коле – коричневый, чтобы не путали и не ссорились каждый раз. Хоть Коля и был старше Мишки, но он был щуплый, и младший брат уже почти догнал его ростом. Мама говорила, что растёт он медленно, потому что родился в голод, у неё не было молока, и она кормила его макухой, завернутой в тряпочку – выжил брат чудом. Люба была старше Мишки на двенадцать лет и уже три года жила вдали от семьи. Окончив десять классов, она поступила учиться на токаря и уехала в город Луганск. После учёбы сестра уже два года работала на машиностроительном заводе. Жила сестра в общежитии, а так как от Луганска до городка было всего три часа езды поездом, частенько навещала отчий дом. После смерти отца семье начислили пенсию по

потере кормильца в размере двадцати семи рублей. Прожить и поставить на ноги двоих мальчишек на эти деньги было очень не просто, Люба это понимала и, чем могла, помогала маме. Луганск – большой город, и там на барахолке можно было дёшево купить поношенные детские вещи, пускай даже залатанные или потёртые – выбирать не приходилось, главное, чтобы было в чём ходить в школу и гулять на улице. Какой радостью в семье было, когда она в прошлый свой приезд привезла младшим братьям по паре валенок. Пусть они были и потертые, пусть больше на размер или два (всё покупалось на вырост), но зато у каждого свои! Мишка живо представил себе, как он зимой сможет каждый день выходить на улицу, играть в снежки, кататься на санках с горки, и радостно засмеялся. Потом он придирчиво осмотрел свои и Колины валенки, примерил те и другие, походил в них по комнате и, окончательно убедившись в том, что его валенки лучше, снял и отдал на хранение тёте Кате.

Тётя Катя была родной сестрой мамы. Она была старше мамы, детей у неё не было. Так сложилась её жизнь, что она осталась одна. В молодости тётя была красавицей (впрочем, как и мама), от ухажёров и женихов не было отбоя, казалось, что всё в её жизни должно было сложиться хорошо, но судьба распорядилась иначе. Потеряв ещё до войны мужа и сына, от горя она начала частенько «прикладываться к стакану» и больше не пыталась устроить свою личную жизнь – жила в семье сестры. Мишку тётя любила, впрочем, как и он её.

Когда он был совсем несмышлёным, и его спрашивали, кого он любит больше всех, то он отвечал: «Тётю Катю – она золотая». Покупая себе бутылочку винца, тётя никогда не забывала про Мишу и всегда приносила ему дешёвых, но так любимых им конфет под названием «подушечки». Мальчик, когда был маленький, даже спал вместе с тётей Катей на кухне за печкой. Кухня была крохотной, собственно, эту каморку даже нельзя назвать кухней. В ней располагалась варочная плита «голландка», небольшой стол, изготовленный из фанеры, лавка, на которой стояли вёдра с колодезной водой, а на стене прибита вешалка для верхней одежды. В кухне было маленькое подслеповатое оконце, выходившее на огород. Между печкой и стеной расстояние примерно метра полтора. В этом закутке на матрасе, расстеленном на полу, и спала тётя Катя.

Домик, в котором жила Мишкина семья, был крохотный. и разделён дощатой перегородкой на кухню и комнату. В комнате стояли две кровати. Одна широкая, с панцирной сеткой и никелированными дугами спинок – на ней спали братья, а на кровати поуже, односпальной, у которой вместо сетки лежали доски – мама. Между кроватями у окна стоял стол, в углу расположилась этажерка с книгами, у противоположной стены возвышался сундук. На стене висел репродуктор – круглая чёрная «тарелка» с бумажным диффузором и часы-ходики. Репродуктор не выключался ни днём, ни ночью. Над столом висела лампочка без абажура, а посреди-

не комнаты стоял столб, который подпирал прогнувшуюся потолочную балку. Пол в комнате и на кухне земляной, застеленный домоткаными половиками. Стены и потолок побелены мелом, слава Богу, его было достаточно вокруг. Домик являлся типичной украинской мазанкой: без фундамента, стены построены из деревянных кольев, вбитых в землю и обвитых ивовыми ветками, а потом обмазанных глиной. Крыша мазанки покрыта камышом, два маленьких окошка выходили на улицу, а одно – во двор. Они закрывались деревянными ставнями, а поверх ставней были ещё запоры – металлическая полоса, прижимающая ставни к окну, и штырь с отверстием на конце, который засовывался вовнутрь комнаты и фиксировался там шплинтом. Когда был жив отец, а сёстры ещё находились дома, в хатке площадью примерно пятнадцать квадратных метров проживало семь человек. Отец, мама и сёстры спали на кроватях, Коля – на сундуке, а тётя Катя и Мишка – в кухне на полу. Места хватало всем, как говорится: в тесноте, да не в обиде.

Другую сестру звали Тамара. Окончив местное педучилище, она по направлению уехала работать в далёкий Узбекистан, там вышла замуж. А совсем недавно вернулась вместе с мужем и маленьким сыном на малую родину. Здесь они устроились работать в школу – сестра учителем начальных классов, а её муж – вести уроки пения. Школа была расположена в отдельно стоящем посёлке, который находился от Монастырки по другую сторону железной дороги и назывался

Соцгородок. В посёлке жили в основном работники железной дороги, он был застроен двухэтажными домами с центральным отоплением и водопроводом. Всё, что находилось на территории посёлка: жилые дома, средняя школа, детские сады, стадион, клуб и магазины, принадлежало железной дороге. От Монастырки до Соцгородка примерно километра три нужно было пройти по территории вагонного депо, пересечь нескончаемое количество железнодорожных путей (что небезопасно), а там уже и до Соцгородка рукой подать. Сестра почти сразу получила двухкомнатную квартиру в новом кирпичном доме. Квартира оказалась просторной, светлой, с высокими потолками, а стены оклеены обоями. Все очень радовались этому. Мама, прожившая всю жизнь в нужде и бедности, плакала от счастья за дочку, а Мишка важно расхаживал по квартире, выходил на балкон, заглядывал в кладовку, пытался отыскать печку и думал о том, как они будут жить зимой без печки, могут же замёрзнуть! Потом он не выдержал и спросил: «А где печка?» Муж сестры, Николай, рассмеялся и показал на какую-то железную гармошку, висевшую под окном: «Вот она». Мальчик, конечно, его не понял, но переспрашивать не стал. Важничал он ещё и потому, что теперь был дядей. Сын сестры – Слава, которому недавно исполнился год, приходился ему племянником. Разница в возрасте между ними была семь лет, и Мишку распирало от гордости – он дядя! Вот он тот, кто младше его, и когда подрастет, станет завидовать его возрасту, как он завидует

брату, и даже будет называть его дядей Мишей!

Обе сестры, и Тамара, и Люба, появились на свет ещё до войны, тогда семья жила на другой окраине городка – Пушкарке. Так она называлась с незапамятных времён. Когда городок ещё был крепостью, здесь жили пушкарки, по-нынешнему – артиллеристы. Пушкарка начиналась от железнодорожного вокзала и тянулась одной длинной улицей. Здесь и жили, и родились ещё задолго до революции отец и мама. Мама жила в зажиточной семье, её отец Тимофей был крепкий хозяин и содержал постоялый двор, или, как бы сейчас сказали, – гостиницу. Постоялый двор состоял из навесов и конюшни, а также двухэтажного кирпичного дома и находился в непосредственной близости от вокзала. На постоялом дворе останавливались мужики, приезжавшие из окрестных сёл и деревень торговать в выходные на базаре. Неделями жили купцы из дальних и ближних городов, прибывшие по своим торговым делам. Проживали служащие железной дороги, командированные по служебной надобности в городок. На постоялом дворе можно было оставить, накормить и подковать лошадей; на первом этаже был трактир, где постояльцы могли поесть и выпить. Дела у Тимофея шли хорошо, постоялый двор приносил стабильный доход. Кроме постоялого двора у него ещё был просторный дом, рубленый из дубовых брёвен, а также надел земли в пять десятин, по-нынешнему – более пяти гектаров, на которых он сеял овёс и подсолнухи. Овёс почти весь уходил на корм лоша-

дям постояльцев, а подсолнечные семечки сдавал на маслозавод или на мелкие маслобойни, которых в окрестности было множество. Подрастали у Тимофея три дочери, одна краше другой. Старшая Катя, вся в мать, – черноглазая и чернобровая, весёлая, непослушная красавица, любила шумные посиделки и праздники, и за ней нужен был глаз да глаз. Средняя Аня или, как все её звали, Нюра, – русоволосая и сероглазая, приветливая и жизнерадостная, а главное, похожая на отца. Младшая Феклуша, в отличие от сестёр, не блистала красотой, но была трудолюбива, скромна и послушна. Тимофей любил всех своих дочерей, желал им счастья, и для каждой из них у него было приготовлено богатое приданое. Но он понимал, что дочери, как птицы, разлетятся из родного гнезда, а дело своей жизни передать будет некому. Сыновей у него не было, и Тимофей постоянно задумывался, как выйти из этого положения. Лучшим выходом он считал найти такого зятя, которому он мог бы полностью довериться и передать свои дела. Больше всех Тимофей любил среднюю дочку Нюру, и ему хотелось, чтобы она осталась хозяйкой и продолжательницей дела. Благополучие к нему пришло не само по себе. К нему годами шли его отец и дед, и было бы обидно, если это всё оборвётся на нём. Хотя он, конечно, понимал: наследника у него нет, а это значит, род Быковых на нём закончится.

Другого Мишкиного деда по отцовской линии звали Яков. Жил он недалеко от вокзала и работал в железнодорожных

мастерских слесарем. В мастерских Якова ценили как хорошего специалиста, но труд там был тяжёлый, а рабочий день длинный. При всём при этом у Якова был вспыльчивый характер, в суждениях он был несдержан и всегда хотел добиться справедливости. Не мог Яков молча пройти мимо, если унижали или обижали кого-нибудь, всегда скажет слово в защиту, посочувствует или же открыто встанет на его сторону. И от этого имел в жизни много неприятностей. Семья Якова жила небогато, жена его часто болела, и все заботы по дому легли на плечи старшей дочери. Детей у него было четверо – два мальчика и две девочки. Старшую в семье все звали Сюня, хотя полное её имя – Ксения; за ней по возрасту шёл Ваня, потом Наташа и Алёша. Сюня и Ваня унаследовали характер отца, были также вспыльчивы и несдержанны, а Ваня и внешне очень походил на него. От отца ему достались тёмно-русые, волнистые, густые волосы и голубые глаза. Сестра Сюня была для младших абсолютным авторитетом. Она готовила еду, стирала, ухаживала за мамой и детьми; младшие братья и сестра беспрекословно слушали её и чем могли, помогали. Когда началась война с Германией, в семье поселилась тревога, все боялись: что отца могут мобилизовать на фронт, но этого не случилось – железная дорога наложила на него, как на нужного специалиста «бронь», и все успокоились.

Жизнь в семье шла своим привычным чередом – дети подрастали, война, как писали в газетах, должна была ско-

ро закончиться победой русской армии. Но внезапно течение этой привычной жизни было нарушено: в городок пришло известие, что от престола отрёкся царь. Власть в стране перешла в руки Временного правительства. В лексиконе жителей появилось новое слово – революция. До этого спокойный и даже сонный городок пришёл в движение. Откуда-то появились агитаторы с красными бантами на груди, на привокзальной площади стали собираться митинги. На таких митингах всё чаще звучали крамольные слова: «Свобода, равенство, братство!» А также можно было увидеть самовольно оставивших фронт солдат, или проще сказать – дезертиров. В серых папахах и шинелях, с винтовками, они возвращались домой. Добравшись до дома, бывшие солдаты переодевались в гражданскую одежду, а винтовки смазывали и прятали до лучших времён – авось пригодится! Вернувшиеся с фронта рассказывали об ужасах войны, о продажности и бездарности командиров и генералов. Никто их не преследовал, не ловил и не судил – устои государства рушились, страна разваливалась на глазах. В железнодорожные мастерские зачастили представители различных партий, которых появилось великое множество, они агитировали рабочих примкнуть именно к ним, обещая все блага, но рабочие, угрюмо выслушав очередного агитатора, расходились по своим местам.

Так прошли весна и лето. Наступила осень, и телеграфные ленты принесли новую новость: в Петрограде было сверг-

нуто Временное правительство, и к власти пришли большевики. Городок снова забурлил, из Воронежа прибыли большевистские комиссары, был избран «Совет рабочих и солдатских депутатов», вся полнота власти сосредоточилась в его руках. В железнодорожных мастерских тоже появился «Совет рабочих», в него избрали и Якова. А потом началась гражданская война, и страна разделилась на красных и белых. В городе теперь часто возникало безвластие, он переходил из рук в руки то белых, то красных, а иногда его занимали даже самозванные атаманы. Был такой период, что власть в городе принадлежала небезызвестной атаману Марусе.

Армия Деникина наступала с юга на Москву, и город оказался на пути казачьего корпуса генерала Шкуро. Жиденькие отряды красноармейцев, пытавшиеся встать на пути белого генерала, были смяты и откатились к Орлу и Туле; с этими отрядами под Орлом оказался и Яков. Казалось, ещё чуть-чуть, и поход Деникина увенчается успехом – будет взята Москва. Но растянутость фронта и отсутствие поддержки местного населения, позволили красным переломить ситуацию. Осенью девятнадцатого года Конная армия Будённого опрокинула фронт белых и пошла вперёд, освобождая большие и малые населённые пункты. С будёновцами возвратился в городок и раненный в грудь Яков. В семье была большая радость по случаю возвращения отца. Вместе с отцом в их дом пришёл молодой казак – боевой командир эскадрона, и Сюня, будучи уже девятнадцатилетней девушкой, вклю-

билась в него с первого взгляда. Отдохнув три дня, будёновцы покинули городок. Вместе с ними покинула его в качестве сестры милосердия и Сюня. Возвратится она только в двадцать втором году, похоронив своего возлюбленного где-то за Бугом, во время польского похода Первой Конной. За эти годы она видела много смертей, не раз ходила в атаки в конном строю, научилась убивать людей и много раз могла погибнуть сама. Она стала нестигаемым бойцом за народное счастье. Война выжгла её душу и ожесточила сердце. За те три года, что её не было дома, братья и сестра подросли, но вдобавок к болезни матери, чахоткой заболел отец. Сюня опять приняла бразды правления семьёй в свои руки. Кроме того, она активно включилась в общественную работу – стала председателем комитета бедноты (комбеда), на голове у неё всегда была повязана красная косынка, она не верила в существование Бога и готова была строить новое справедливое общество. Гражданская война закончилась, оставив после себя разруху, голод и военный коммунизм.

Перемены, охватившие страну, коснулись и Тимофея. Революция и последовавшая за ней гражданская война не способствовали процветанию его хозяйства. Постояльцев становилось всё меньше и меньше. Купцы и служащие железной дороги больше не приезжали в городок, шумные базары исчезли, а постоянно меняющиеся власти реквизировали лошадей и фураж, домашний скот и птицу. Поля засеять было нечем, и Тимофей еле-еле сводил концы с концами. Не

примкнув ни к белым, ни к красным, он просто пытался выжить и сохранить семью в непростое время. Но война закончилась, и наступила мирная жизнь. Чтобы поправить дела в разрушенной стране, большевики объявили новую экономическую политику (НЭП); поощрялась частная инициатива, и Тимофей воспрянул духом: он приобрёл патент и на законных основаниях стал содержать постоянный двор. Дела у него опять пошли в гору.

Несмотря на все потрясения, жизнь невозможно было остановить, и она брала своё. Дочки Тимофея выросли и вступили в тот возраст, когда на них заглядывались парни, а сами они уже мечтали о замужестве. Молодежь, как и раньше, вечерами собиралась на посиделки: лузгали семечки, танцевали под гармошку, играли в разные игры. Нюра тоже ходила с сёстрами и подружками, как все говорили, «на улицу». Парни и девушки собирались на околице, и каждый раз, когда Нюра приходила туда, то всегда с замиранием сердца искала глазами Ваню – пришёл или нет? Даже самой себе она не хотела признаваться, что он ей очень нравился. Ваня был на два года старше её, лицо у него было открытое, глаза голубые, тёмно-русые волосы он зачёсывал назад. Но она знала, что им не суждено быть вместе – отец никогда не согласится, чтобы они поженились, потому что Ваня из бедной семьи.

К восемнадцати годам Нюра расцвела: её щёки были как спелые яблочки, русая коса достигала пояса, серые глаза манили своей глубиной. Приталенная кофточка туго облегла

упругую девичью грудь и выгодно подчёркивала её тонкую талию. Девушка чувствовала, что она Ване тоже не безразлична, просто он не решается признаться ей в этом. Да и случая подходящего пока не выпадало — она всегда приходила «на улицу» с сестрой. Но однажды случилось так, что она пришла одна, и парень, набравшись храбрости, попросил разрешения проводить её домой. После этого вечера их любовь только росла и крепла.

В двадцать пятом году Ване исполнилось двадцать лет, и его призвали в Красную армию, Нюра обещала ждать. И она честно ждала его, редко ходила на посиделки, а больше времени проводила дома. Два года ей показались вечностью.

НЭП потихоньку свернули, и в стране началась коллективизация: ликвидировались единоличные хозяйства и создавались колхозы. Партией была поставлена задача: «Уничтожить кулаков как класс!». Сюня, как председатель комбеда, с пролетарской беспощадностью объявила войну классовым врагам. Она составляла списки семей на раскулачивание и высылку на Север. Над Тимофеем сгущались тучи: его семья попала в списки на раскулачивание. На счастье Тимофея в это же самое время, отслужив два года, вернулся из армии Иван. Случайно увидев эти списки у сестры, он долго уговаривал её вычеркнуть семью любимой из них, но Сюня была непреклонна. Тогда он заявил: «Я не могу жить без Нюры и уеду в ссылку вместе с ней». И это подействовало на сестру, как старшая в семье, она не могла допустить, чтобы млад-

ший брат ушёл из-под её влияния. Ксения пошла к Тимофею и поставила ему условия: он выдаёт дочь замуж за Ивана, а взамен его семью не отправят в ссылку. Да, его раскулачат, заберут в колхоз постоянный двор, лошадей, скотину и землю, но он и его близкие останутся живы, и ещё им оставят дом.

Поговорив с дочкой и узнав, что она давно уже любит Ваню, Тимофей, скрепя сердце, согласился. Сыграли скромную свадьбу, и молодые Иван да Анна зажили в любви и согласии. Но их счастье длилось недолго. Вскоре в стране разразился жесточайший голод, смерть косила людей налево и направо, люди пухли от голода, ели кошек и собак, крыс и мышей, варили суп из лебеды и крапивы. Почти одновременно в начале весны умерли родители Ивана, а своего первенца Нюру родила мёртвым.

Этот брак не принёс никому счастья – Тимофей очень переживал за любимую дочку, не так он видел её будущее. Ещё больше он переживал, что хозяйство, которое непосильным трудом создавали его отец и дед, пошло прахом. На постоянном дворе теперь расположилась МТС (машинно-тракторная станция), а его лошади, скотина и земли были в колхозе. Сюня была недовольна тем, что брат пошёл наперекор её воле. Невестку она не любила, проявляла к ней неприязнь, и это чувство она испытывала к Нюре до конца своей жизни.

В тридцать пятом году у Ивана и Нюры родилась девочка, назвали её Тamarой. В этом же году тихо ушли в иной мир отец и мать Нюры. А через год родилась ещё одна дочка Ва-

ля, а ещё через два года — Люба. Потом события имели только негативный оттенок. В тридцать девятом году началась война с финнами. Ивана призвали в армию, к счастью, вскоре всё быстро закончилось, и муж вернулся домой живой и невредимый. Но и в этот раз их счастье продлилось недолго.

Летом сорок первого года Германия напала на Советский Союз. Уже в июле этого года Ивана мобилизовали в действующую армию, и их разлука длилась долгие четыре года. С тремя маленькими детьми на руках Нюра осталась в отцовском доме. Через железнодорожную станцию с запада на восток днём и ночью шли эшелоны с оборудованием заводов, вывозимым за Урал с оккупируемых врагом территорий. Санитарные поезда, набитые под завязку ранеными бойцами, тоже шли с запада на восток. А в обратную сторону, в основном по ночам, двигались воинские эшелоны с живой силой и техникой. Железнодорожный узел ежедневно бомбили вражеские самолёты, от бомбёжек сгорела нефтебаза, бомбы попадали в жилые дома, промышленные и складские помещения.

Пережив зиму и натерпевшись страху под бомбёжками, Нюра с сестрами решила уйти в деревню, тем более что фронт уже приближался к городу. И однажды июльским утром они, собрав минимум необходимых вещей и забрав детей, вышли за околицу Пушкинки. Впереди их и сзади, на восток, двигались беженцы. Нагруженные узлами, с маленькими детьми на руках, с тележками, люди пытались уйти от

беды. Внезапно на западе появились самолёты с крестами на крыльях; увидев их, люди попадали на землю. На бреющем полёте, поливая мирных людей из пулемётов, они пронесли над землёй. Прикрыв своими телами ничего не понимающих и плачущих детей, беззвучно шепча молитвы, женщины, не двигаясь, лежали на земле. Самолёты уже улетели, но люди всё лежали, боясь поднять голову и не веря, что они остались живы. Выждав какое-то время, те, кто остался жив, встали и побрели дальше, а те, кого настигла вражеская пуля, навсегда остались лежать в чистом поле под лучами знойного июльского солнца.

Русские люди очень сердобольные, общая беда сделала их почти родными. В деревне, расположенной примерно в двадцати километрах от городка, сёстры пережили всю немецкую оккупацию, а вернувшись на Пушкарку, обнаружили на месте родительского дома большую воронку. И опять их с детьми приютили чужие люди. До Победы было ещё очень далеко, общие тяготы и лишения усугубились ещё одним горем, обрушившимся на Нюру – от болезни умерла дочка Валья. Но всё когда-нибудь кончается, закончилась и война, а в сорок шестом вернулся домой её Ваня. Дом был разрушен, жить было негде, нужно было как-то устраивать мирную жизнь, растить детей, и они, за небольшие деньги, купили на Монастырке маленькую хату. Эта хата на долгие годы стала родным домом Мишке и всей его семье. Жизнь продолжалась.

Глава 4

ДЕТСКИЕ ИГРЫ

Лето пролетело быстро. За каникулы Миша подрос, загорел и, как положено, отвык от школы. Первого сентября день выдался солнечным, и линейку устроили в школьном дворе. Директор Антон Артёмович поздравил всех с новым учебным годом, прозвонил в медный звонок, и ребята разошлись по классам.

Неприятным сюрпризом для второклассников стала замена учительницы. Они за год обучения привыкли к Мариванне, та была доброй, терпеливой и многое прощала своим ученикам. Но годы взяли своё – Мариванна ушла на заслуженный отдых.

Новую учительницу звали Елизавета Дмитриевна, она жила на Мишкиной улице и когда-то училась с его сестрой Тamarой. Ей, как и Мишкиной сестре, было двадцать три года, но она до сих пор не вышла замуж и проживала с родителями. Особой красотой она не блистала, потому претендентов на её руку и сердце не находилось, но выйти замуж очень хотелось. Мальчику новая учительница не понравилась с первого взгляда. Крупный с горбинкой нос, рыжие реденькие волосы, невыразительное лицо, неопределённая фигура – такой она запечатлелась в его памяти. Ей хотелось быть с уче-

никами строгой и справедливой, но вместо этого она стала злой и придирчивой. Вольно или невольно новая учительница отыгрывалась на учениках второго класса, выплёскивая раздражение, которое накопилось в личной жизни. Её младший брат Юрка был старше Мишки на один год и учился в третьем классе. Часто несправедливые действия Елизаветы Дмитриевны боком выходили ему. Зажатый пацанами в тёмном углу, в ответ на настойчивые просьбы повлиять на сестру, он всячески оправдывался и говорил, что брат за сестру не отвечает и что его она тоже уже достала.

А ещё в школе сменился учитель пения. Если Елизавету Дмитриевну ребята за глаза звали «Лизкой», то к новому учителю пения намертво приклеилось прозвище «Рыбий глаз». Бывший фронтовик, он хорошо играл на аккордеоне, но был очень нервным. По поводу и без повода он кричал и наказывал учеников, а кроме того, у него вместо правого глаза стоял стеклянный протез. За этот протез он и получил своё прозвище. Дети, конечно, знали, что учитель стал инвалидом в результате ранения на фронте, но его несправедливое отношение к себе простить не могли, и всякий раз мстили за это. Учитель жил на Соцгородке. В школу и домой он ходил пешком, закинув аккордеон на спину. До вагонного депо путь пролегал через сосновый бор, и пацаны, подкараулив его, прячась за сосёнками, бежали следом. Стараясь изменить голос, чтобы учитель не узнал, они кричали: «Рыбий глаз, рыбий глаз, лови кошек, а не нас!» Учитель пения

матерился и грозился надрать уши, а пацаны в ответ только смеялись. После каждого такого случая директор школы, Антон Артёмович, ходил по классам, рассказывал о боевых заслугах учителя, стыдил ребят и призывал больше так не поступать, но всё было тщетно. Жестокие детские игры продолжались.

В новом учебном году в их классе появился новый ученик, звали его Гриша Журавлёв. Он был второгодник, а жил за рекой Оскол, в деревне Фурцовка, расположенной приблизительно в двух километрах от Монастырки. У него был добродушный характер, а сам он обладал большой физической силой. Все одноклассники звали его не по имени или фамилии, а исключительно по прозвищу – «Джура». Учился он плохо, и «Лизка» грозила оставить его во втором классе на третий год.

Но изменения коснулись не только школьной жизни, но и жизни посёлка. Напротив школы, на пустыре, где летом Мишка с братом и Вовкой Сычом грелись на песке и курили, начали строить большой кирпичный дом. Все говорили, что дом строится для начальника детской колонии. Мишка не понимал, как в таком огромном доме будет жить один человек. На строительстве дома работали экскаватор, подъёмный кран и много рабочих. Когда рабочий день на стройке заканчивался, туда частенько приходили мальчишки полазать по строительным лесам и побегать вверх-вниз по трапам. Это было интересно, хотя и жаль, что теперь негде будет погреть-

ся после купания в речке.

Кроме того, в посёлке появился магазин. Скорее даже не магазин, а летний павильон из досок. Но всё равно, это было здорово! Там можно было приобрести самое необходимое: продукты, разные хозяйственные мелочи, а также сдать пустые бутылки. Раньше, чтобы купить буханку хлеба или сдать пустую посуду, нужно было идти в колонию или в вагонное депо – там были ближайшие магазины. Павильон в будущем обещали утеплить (обложить кирпичом) и сделать его работу круглогодичной.

Но самой главной новостью было то, что на Монастырку стал ходить автобус. Старый, обшарпанный, зелёного цвета и с одной дверью. Однако, несмотря на всё это, любой человек, купив билет, мог поехать на вокзал или в центр города. Особенно автобус выручал осенью и весной, когда дороги становились непроходимыми и добраться в центр было тяжело. До этого в посёлке Раздолье останавливался только проходящий автобус, который возил пассажиров в небольшие деревни, расположенные за Осколом. Деревни эти находились вдали от железной дороги, и автобус или телега были единственным транспортным средством, связывающим их с внешним миром.

Мишка на автобусе ездил один раз в своей жизни, когда был ещё маленький. Мама по каким-то срочным делам собралась в центр. Сына оставить одного дома она не могла, да и идти пешком с ним обременительно, и она решила ехать

на автобусе. Придя на остановку, они стали ждать, когда он приедет. Точного расписания движения не было, а это значит, что ожидание могло затянуться надолго. Но на их счастье автобус подъехал минут через десять. Он остановился, и шофёр рычагом открыл дверь. Мишка поднялся вверх на одну ступеньку. На ней лежали чистые резиновые коврики. Он решил, что дальше ему проходить нельзя, и уселся на коврик. Все, кто находился в автобусе, засмеялись, а мама сказала: «Какой же ты у меня ещё глупенький!» Взяв сына за руку, она провела его вглубь салона и усадила у окна на пружинное, обтянутое дерматином сидение. Эту первую автобусную поездку Мишка запомнил хорошо. Прижавшись носом к стеклу, он неотрывно смотрел в окно. Ему всё было очень интересно. Автобус ехал быстро, а за окном проплывали небольшие частные домики. Потом он увидел белую стену маслозавода, гору подсолнечных семечек, накрытых брезентом, заводские корпуса, железнодорожный переезд с уходящими вдаль стальными рельсами и снова большие и маленькие дома. Когда приехали в центр, то мальчик с большой неохотой покинул автобус. Для себя он решил: «Вырасту, буду шофёром!»

В его семье тоже произошли изменения. Коля, окончив начальную школу, перешёл в среднюю, завалуйскую. Завалуй – это район, который начинался за маслозаводом. Там и была средняя школа. В ней учились ребята из всех прилегающих посёлков. Ходить до неё было далеко – километра два,

и вместо портфеля брату купили серую кирзовую сумку, которую можно было носить на брезентовом ремне через плечо или за спиной, как рюкзак. Мама ежедневно давала ему по десять копеек на обед. В школьном буфете продавались вкусные пирожки с ливером, картошкой или капустой, обжаренные в масле до хрустящей корочки. Стоили они всего пять копеек, а запить их можно было чистой водой из фонтанчика в школьном коридоре. Мишка точно знал, что Коля в лучшем случае покупал только один пирожок или не покупал совсем, а сэкономил деньги на дешёвые папиросы, или для игры с пацанами в «пристенок», или «стукан».

В «пристенок» мальчишки играли монетами и на деньги. Пока было тепло, на большой перемене они выбегали во двор и, спрятавшись за углом, стучали монетками о кирпичную стену школы. Заодно там можно было и покурить. «Пристенок» – игра простая, но очень азартная. Пацаны по очереди били по стене монеткой. Она отскакивала и падала на землю. Каждый следующий игрок старался ударить так, чтобы его пятак или десятчик упал как можно ближе к монете предыдущего. Затем пальцами одной руки он старался прижать обе монетки, а другой игрок щелчком пытался выбить любую из них. Так как руки и пальцы у играющих были у кого-то длиннее, а у кого-то короче, постоянно возникали споры, а иногда даже драки. Некоторые пытались жульничать, тихонько придвигая или отодвигая монетку. Жуликов безжалостно били и выгоняли из игры.

Выигрыш был чистым, безоговорочным, если одна монетка ударялась о другую. «Пристенок» иногда захватывал ребят так, что они, не слыша звонка, продолжали игру. Кто-то хотел отыгаться, а кому-то, наоборот, везло, и он, боясь спугнуть фарт, и, забыв обо всём бил об стенку монетой. Мишке тоже очень хотелось поиграть. Но ладошки у него были маленькие, а пальцы короткие. Да и денег у него ещё не водилось. Но надежды никогда его не покидали: «Всё впереди, подрасту и буду обыгрывать всех», – думал он.

«Стукан» был другой забавой – долгой и не такой азартной. В школе в него не играли, а только на улице, до или после школьных уроков. Участников могло быть даже двое, но чем больше ребят участвовало в игре, тем было интереснее. На расстоянии десяти шагов прочерчивали две линии. На одну – столбиком ставили монетки играющих, желательно равного достоинства (это был кон), а с другой – по очереди бросали «стукан» (бронзовое кольцо диаметром пять сантиметров), стараясь попасть по столбику монеток. Бронзовые кольца для «стукана» были только у пацанов с Монастырки, они их находили в кучах мусора, вывезенного из детской колонии. Там находился литейный цех, и бракованные детали вывозили за территорию, на радость местным мальчишкам. В столбик из монеток нужно было попасть «стуканом». Если монетки раскатывались, то тот, кто попадал, получал право «стучать». Он ударял по каждой монете «стуканом», и если она переворачивалась, то игрок её забирал. Ес-

ли выбивали все монетки, то опять ставили кон, и игра началась снова. Здесь тоже всегда спорили, пытались жульничать, а иногда и дрались – всем хотелось выиграть, поэтому в ход шли разные уловки и запрещённые приёмы. Мишка в игре участия не принимал, но всегда внимательно наблюдал за игроками и «болел» за брата или Сыча.

Коля теперь учился во вторую смену и брат ему очень завидовал. Он не вставал так рано, а возвращаясь после школы, имел возможность своровать на маслозаводе семечек. А ещё, мама ему давала деньги на пирожки. Мишка считал, что жизнь у брата лучше, и очень досадовал на свой возраст.

В начале осени директор школы Антон Артёмович объявил сбор металлолома. Между классами решили организовать соревнование – кто больше соберёт. Мальчишки и девочки с энтузиазмом бросились искать ржавое железо и сносить его на школьный двор. Везли на тачках и тележках ржавые трубы, вёдра, изношенные (да и новые) тормозные колодки вагонных тележек (их воровали в вагонном депо), лемеха от плугов, колёса от сеялок – всё, что попадалось на глаза. Приносили даже неразорвавшиеся мины и артиллерийские снаряды. Каждый класс сваливал собранный металлолом в отдельную кучу. Ребята ревниво оценивали величину своей кучи и, если им казалось, что она меньше чем у других, вновь отправлялись на поиски железа. Неразорвавшиеся мины и снаряды, как простые никчёмные железки, бросали в кучи без осторожности и почтения. И никакого взры-

ва, к счастью, при этом не случилось. Наверное, есть Бог – он всё видит, и каждому отмеривает свой жизненный срок и испытания!

Когда директор школы пришёл посмотреть, что собрали ребята, он изменился в лице и схватился за голову. Как человек, прошедший войну, Антон Артёмович мгновенно оценил степень опасности и её возможные последствия. Выпроводив всех на улицу, он у ворот поставил дежурных, наказав им никого не пропускать во двор школы, а сам пошёл звонить в райвоенкомат.

В окрестности городка была расквартирована сапёрная рота, её солдаты занималась уничтожением мин, снарядов и авиабомб, оставшихся после войны. Сапёры приехали только к вечеру. Они с большой осторожностью извлекли из кучи металлолома мины и снаряды и вывезли их на пустырь, за посёлок, где и подорвали. Взрыв был до того мощный, что в жилых домах, на окраине Монастырки, задрожали стёкла.

Кто притащил взрывоопасные предметы в школу вместе с металлоломом, допытываться не стали, – скорее всего, никто бы и не сознался. Но после этого случая директор строго-настрого запретил не только приносить такие или похожие предметы, но и близко подходить к ним. При сборе металлолома он теперь находился во дворе и лично контролировал то, что притаскивают ученики.

Осень входила в свои права. Начали желтеть листья, ночи становились всё более прохладными, по утрам на траве вы-

падала холодная роса. Всё меньше тянуло на речку, в лес, всё больше мальчишки собирались на улице. Чтобы чем-то себя занять, играли в разные игры. Наиболее популярной была игра в «жоску». Так как играли не на деньги, вовлечены в неё были почти все пацаны от восьми до пятнадцати лет.

«Жоской» назывался небольшой кусочек овчины, чаще всего отрезанный от старого полушубка. Конечно, найти овчину в те годы было очень непросто: большинство людей ходили в стёганных телогрейках и потёртых драповых пальто. Но мальчишки всеми правдами и неправдами умудрялись добыть кусочек для изготовления своей «жоски». Было даже так, что один из Мишкиных друзей, Юрка Фриц, отрезал угол нового, неношеного полушубка отца, который служил офицером в детской колонии, и за это был нещадно бит ремнём. Но даже, претерпев такую жестокую экзекуцию, он остался очень доволен. «Жоска» из нового полушубка получилась просто загляденье! Меха был длинный, белый, пушистый. Играть ею было одно удовольствие! Такой красивой не было ни у кого, даже среди взрослых пацанов. Фрицу предлагали поменять её на «поджиг», ржавый австрийский штык-нож и даже гранату-лимонку. Но на все заманчивые предложения он отвечал отказом. Юрка очень гордился своей игрушкой.

Изготовить её было просто. Со стороны кожи тонкой медной проволокой крепили кусочек свинца, а овчину тщательно расчёсывали в разные стороны. Игрок подбрасывал рукой

«жоску» высоко вверх, а потом внутренней стороной стопы не давал ей упасть на землю. Чем длиннее была шерсть, тем дольше свободный полёт «жоски». Если она падала на землю, очередь переходила к следующему. Кто сколько «набьёт», считали вслух. Некоторые умудрялись «набивать» до сотни и более раз. Были специалисты, которые могли играть обеими ногами. Тот, кто «набивал» меньше всех, проигрывал и его заставляли «маяться».

«Маяться» – это когда проигравший, отойдя от выигравшего на расстояние примерно метра три-четыре, бросал «жоску» ему на ногу, тот бил её, а бросивший должен был поймать. Если он сумел поймать, значит «отмаялся», а если не сумел, то «маята» продолжалась. «Маялись» иногда до слёз, изнеможения, но уличные законы жестоки и неумолимы: проиграл – отвечай. Игра была настолько распространённой, что играли везде: и на переменах в школе, во дворах и на улице. Любой уважающий себя пацан носил в своём кармане «жоску». Была она и у Мишки – досталась, как обычно, в наследство от старшего брата. А тот сделал себе новую. Мишка в большую игру пока вступать не решался – «набивал» он немного, а «маяться» ему не хотелось. Но со своими ровесниками поиграть любил и частенько становился победителем.

А потом пришла зима. Это была первая зима, когда у Мишки были свои валенки. Он ждал и любил зиму, ему нравилось играть в снежки, кататься на санках, лыжах и конь-

ках. В школе с приходом новой учительницы отношение к учёбе у мальчика изменилось. Учился он легко, но без интереса. Мог бы быть круглым отличником, но хотел быть как все – не очень плохим и не очень хорошим. Получал твёрдые четвёрки и уже во втором классе полюбил читать книги. Читал всё, что попадалось на глаза. В школе была небольшая библиотека – книжный шкаф в учительской, а в нём несколько десятков книжек. Мишка за зиму перечитал весь этот шкаф полностью. Так сладко было, набегавшись на улице прийти с мороза в тёплый дом, сбросить обледеневшую одежду, сесть у раскалённой докрасна плиты, взять в руки очередную книжку и при свете керосиновой лампы, погрузиться в загадочный книжный мир.

То, что брат учился во вторую смену, оказалось не так уж и плохо, а наоборот, даже хорошо. Не нужно было с ним делить лыжи и коньки – то и другое у них было в единственном экземпляре. Лыжи были гордостью Миши – финские, трофейные, привезённые отцом с войны. Таких лыж на Монастырке ни у кого не было. А коньки с закруглёнными носами назывались «снегурки» и привязывались верёвками к валенкам. Напротив школы речка Валуй расширялась, и, когда зимой на ней образовывался крепкий лёд, ребята, расчистив снег, сооружали хоккейную площадку. Играли в хоккей с мячом (про хоккей с шайбой тогда ещё не слышали). Клюшки вырезали из гнутых веток деревьев. Нижнюю загнутую часть обтёсывали с двух сторон, и клюшка была готова.

Гоняли ими небольшой плотный мячик. У кого были коньки – те играли на коньках, у кого их не было – бегали так.

Мишу играть не брали – мал ещё, и поэтому он наблюдал за игрой в качестве зрителя. Но однажды, разделить поровну у старших пацанов не получилось, и они пригласили постоять на воротах Мишку. Он согласился, отвязал коньки, и ему дали клюшку. Так он стал вратарём. Игра шла на середине поля с переменным успехом. Мяч иногда прилетал к его воротам, и он отбивал его клюшкой. Но потом, один на один с ним, выскочил взрослый парень (лет на десять старше), звали его Витька Шнырик. Он остановил мяч примерно в пяти метрах от ворот и, высоко подняв клюшку над головой, приготовился ударить по нему. Мальчику стало страшно. Он представил, как этот плотный, тугой мячик врежется в его тело с неимоверной силой, и от ужаса закрыл глаза. Страх парализовал все части его маленького тела, пронизал все клеточки организма, он стоял и ждал этого страшного удара. А Шнырик, опустив клюшку, тихонько толкнул мяч, и тот медленно закатился в ворота. Когда Миша всё-таки решился открыть глаза, он увидел, что мячик был за его спиной. Все вокруг свистели и смеялись. Такого позора он перенести не смог – сдерживая слёзы, покинул ворота, забрал коньки и ушёл домой. В эту зиму на хоккейную площадку он больше не приходил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.